XLII г.—1903 г.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Еженедѣльное изданіе.

№ 35. Воскресенье, 2 ноября.

Часть неоффиціальная.

О загробной жизни.*)

Что ожидаетъ насъ за гробомъ?

Такой вопросъ осмѣливаюсь я предложить вашему просвѣщенному вниманію,—вопросъ, по словамъ св. Аѳанасія Александрійскаго,[1]) чудный и дивный и сокрытый отъ людей. Кажется, нѣтъ другого вопроса, въ рѣшеніи и разъясненіи котораго такъ изнемогала бы мысль человѣческая, какъ изнемогаетъ она при представленіи того, что будетъ съ нами по смерти. Врата вѣчности, въ которую погружаемся мы, отходя изъ настоящей кратковременной жизни, заключены отъ насъ и закрыты темною завѣсою. Тамъ нѣтъ ничего доступнаго нашимъ чувствамъ и нашему наблюденію, собирающему матеріалы для сужденій о предметахъ, входящихъ въ область нашего разумѣнія. Тысячи и милліоны людей сокрылись отъ насъ въ могилѣ и отошли въ невѣдомый край, и ни одинъ изъ нихъ ни на мигъ не возвратился къ намъ, чтобы разсказать намъ, что встрѣтилъ онъ, по сокрытіи тѣла его въ могилѣ. „Никому изъ отшедшихъ на тотъ свѣтъ (говоритъ св. Іоаннъ

---

*) Чтеніе, предложенное въ собраніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества, 17 октября 1903 года.

[1]) Посл. къ Антіону вопр. и отв. 19.

Златоустъ), [1]) Богъ не позволяетъ приходить и разсказывать о томъ, гдѣ и какъ пребываютъ души, отшедшія отъ насъ, и это устроено съ тою цѣлію, чтобы демонъ, воспользовавшись этимъ, не ввелъ чего либо отъ себя и не обольстилъ насъ какими либо призраками и обманами, и не распространялъ между людьми какого либо нечестиваго ученія".

Но зачѣмъ (подумаете или скажете вы) избирать для бесѣды такой трудный и темный предметъ, сокрытый отъ насъ Богомъ?

Мы не вынесли изъ школы вопроса, нами поставленнаго, это не утонченный вопросъ науки, интересующій немногихъ, а одинъ изъ самыхъ жгучихъ, жизненныхъ вопросовъ, неотвязчиво преслѣдующихъ мысль нашу. Прошедшее, нами пережитое, мы оставляемъ позади и свои взоры устремляемъ впередъ къ развертывающемуся передъ нами будущему, ожидая отъ него удовлетворенія нашимъ желаніямъ, всегда новымъ, никогда не погасающимъ. Это будущее, постоянно стоящее предъ нашими глазами, всегда болѣе или менѣе гадательное, въ концѣ концовъ ставитъ предъ нами предѣлъ темнѣе ночи, за которымъ мы не видимъ никакихъ живыхъ очертаній. Но чѣмъ гуще мракъ, окутывающій послѣдній день изъ отмежеваннаго нами круга времени и слѣдующее за нимъ, тѣмъ напряженнѣе и неудержимѣе взоръ нашъ, взоръ всѣхъ, живущихъ на землѣ, силится проникнуть сквозь густое темное покрывало, скрывающее отъ насъ нашу будущую, предстоящую намъ, участь. Не только мы, длиннымъ рядомъ прожитыхъ лѣтъ приблизившіеся къ послѣднему предѣлу земного бытія, стоимъ въ трепетномъ недоумѣніи прѣдъ вопросомъ о томъ, что съ нами будетъ, когда хладная и мрачная могила покроетъ тлѣнные останки наши, но и люди другихъ возрастовъ, надѣющіеся еще долго вращаться на землѣ, не

[2]) Св. Іоанна Злалоуста бес. о Лазарѣ IV, 3 Твор. св. Іоанна Злат. т I, кн. 2, стр. 281.

могутъ отстранить этого тяжелаго вопроса; потому что *всѣмъ лежитъ единою умрети* (Евр. IX, 27), а потомъ...

А что потомъ? Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ мы видимъ неустанныя покушенія перейти мыслію темныя грани гроба и разъяснить, что скрывается за этими темными гранями. Но много-ли свѣта внесла въ эту темную область мысль человѣческая, предоставленная самой себѣ? Нѣтъ, какъ прежде, столѣтія и тысячелѣтія назадъ, стояла предъ мыслію человѣческою покрытая густымъ мракомъ загробная участь наша, такою же темною стоитъ она и нынѣ.

Гдѣ-же найти намъ разъясненіе этой загадки, тревожащей мысль нашу? И не напрасно-ли мы беремся за разъясненіе сокрытаго отъ насъ?

Мы не обѣщаемъ и не можемъ обѣщать вамъ полнымъ свѣтомъ освѣтить темную область нашего загробнаго будущаго, сокрытую отъ насъ премудрымъ изволеніемъ Божіимъ. Но намъ данъ и указанъ нѣкоторый просвѣтъ на эту темноту, указаны нѣкоторыя черты, по которымъ мы можемъ гадать, что будетъ съ нами, когда тѣло, оставленное душею, сокроется и истлѣетъ въ могилѣ. По этимъ чертамъ мы можемъ отчасти уразумѣвать наше будущее, можемъ видѣть его, *яко зерцаломъ въ гаданіи*. Если Господу не угодно было даровать намъ полное знаніе послѣдней судьбы нашей, мы должны довольствоваться разумѣніемъ ея отчасти, въ той мѣрѣ, какая, для нашей душевной пользы, доставлена намъ премудрымъ Управителемъ судебъ нашихъ.

Но прежде, чѣмъ приступать къ уясненію труднаго и темнаго вопроса, мы считаемъ долгомъ, какъ подобаетъ христіанамъ, испросить божественную благодатную помощь для благоуспѣшнаго совершенія предпринятаго дѣла. И язычники считали нужнымъ предъ разъясненіемъ трудныхъ вопросовъ обращатьси съ молитвою къ чтимымъ ими богамъ о споспѣшествованіи имъ въ трудномъ дѣлѣ. Такъ въ діалогѣ Пла-

тона „Тимей“ Критій сдѣлалъ предложеніе Тимею изложить свои мысли о происхожденіи вселенной. Сократъ выразилъ согласіе на это и пригласилъ Тимея начать, но напередъ просилъ его, какъ слѣдуетъ по обычаю, призвать боговъ. „Ты правъ, Сократъ“, отвѣчалъ ему Тимей. „Всѣ, если сколько нибудь разумны, обыкновенно призываютъ боговъ предъ началомъ каждаго дѣла, значительнаго-ли то, или незначительнаго, тѣмъ болѣе должны обращаться къ богамъ мы, собираясь разсуждать о происхожденіи вселенной, если только не хотимъ быть безумными,—и просить ихъ, чтобы мы были въ состояніи прежде всего говорить, какъ имъ угодно, потомъ, что касается насъ самихъ, чтобы, съ одной стороны, я ясно и правильно выражалъ свои мысли, а съ другой, вы легко понимали то, что я скажу“. [1]) Вопросъ, нами поставленный, принадлежитъ къ разряду вопросовъ наиболѣе важныхъ, а онъ болѣе труденъ для рѣшенія, чѣмъ вопросъ о происхожденіи вселенной, и если язычникъ, непросвѣщенный свѣтомъ вѣры Христовой, не испросивъ небесной помощи, не рѣшался приступить къ рѣшенію поднятаго имъ вопроса, то не тѣмъ-ли болѣе это необходимо намъ,—намъ, которымъ дано божественное Откровеніе, и которымъ указано чрезъ апостола Духомъ Святымъ, что мы *недовольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога* (2 Кор. III, 5)?

Итакъ, призвавъ помощь свыше, съ боязнію, какъ бы не сказать чего либо противнаго божественной истинѣ, приступаемъ мы къ разъясненію темнаго вопроса, нами поставленнаго, по существу своему всѣхъ насъ интересующаго.

Такъ какъ мысль человѣческая, предоставленная самой себѣ, изнемогаетъ сказать что нибудь вѣрное и несомнѣнное о нашей загробной жизни, то мы должны обратиться къ выс-

---

[1]) Сочиненія Платона, перевед. Карповымъ, т. VI, стр. 388.

шимъ руководителямъ, которые освѣщали пути нашей жизни, удостоиваясь откровенія отъ Духа Божія. У нихъ однихъ мы можемъ найти неложныя указанія въ вопросѣ, насъ занимающемъ. Высшій Разумъ, бдящій надъ нами, озарялъ ихъ мысль, и благоволилъ чрезъ нихъ ниспустить съ высоты небесъ нѣсколько лучей, при пособіи которыхъ мы можемъ нѣчто видѣть въ той темной области, въ которую вступимъ, по разлученіи съ тѣломъ. Мы будемъ стараться собирать и передавать вамъ отголоски, донесшіеся до насъ изъ высшаго божественнаго міра, и если позволимъ себѣ присоединять къ нимъ индѣ гаданія естественной мысли человѣческой, то не съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить ими руководственныя указанія высшаго Разума, а чтобы оттѣнить ихъ этими гаданіями.

Но когда мы хотимъ раскрывать скрижали, содержащія указанія высшаго божественнаго Разума, намъ слышатся раздающіеся на распутіяхъ міра голоса не то легкомыслія, не то безотраднаго отчаянія.—Люди, руководимые одною слѣпою мыслію своею, не могши ничего разглядѣть за предѣлами гроба, думаютъ и говорятъ, что для насъ смертію все кончается: истлѣетъ наше тѣло, и отъ насъ и слѣда не останется, кромѣ короткой памяти о насъ у нашихъ близкихъ, и что напрасное обольщеніе надѣяться на то, что для насъ будетъ другая жизнь.

Малъ и печаленъ животъ нашъ (говорили во времена Соломона, говорятъ многіе и нынѣ)... *Случайно мы рождены, и послѣ будемъ, какъ не бывшіе: дыханіе въ ноздряхъ нашихъ дымъ, а слово—искра въ движеніи сердца нашего. Когда она угаснетъ, тѣло обратится въ прахъ, а духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ. И имя наше забудется со временемъ,... и жизнь пройдетъ, какъ слѣдъ облака, и разсѣется, какъ туманъ, разогнанный лучами солнца, и отягченный теплотою его. Ибо жизнь наша—прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ воз-*

врата отъ смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается (Прем. Сол. II, 1—5).

Не слышится ли вамъ въ этихъ печальныхъ разсужденіяхъ отголоска мыслей и чаяній, вторгавшихся иногда въ потаенную храмину сердца вашего?

Премудрый, приведшій такія слова, замѣчаетъ, что такъ могутъ разсуждать только не умѣющіе познавать тайны Божіи (Прем. Сол. II, 22), и закрывающіе глаза предъ явными судами Божіими. Источникомъ такихъ разсужденій онъ считаетъ нечестіе и развращеніе сердца людей, ихъ высказывающихъ. *Сія помыслиша и прельстишася: ослѣпи бо ихъ злоба ихъ* (Прем. Сол. II, 21). Люди отдаютъ себя въ рабство страстямъ своимъ, безъ удержу удовлетворяютъ похотямъ развращеннаго сердца своего, не стѣсняясь дѣлаютъ обиды и насилія своимъ ближнимъ, и вообще нарушаютъ и попираютъ законъ, данный намъ Богомъ въ управленіе путей нашихъ. И вотъ, чтобы заглушить голосъ о праведномъ мздовоздаяніи за дѣла, идущій изъ глубины души нашей, они, для успокоенія себя, говорятъ: умремъ, и ничего не будетъ, а потому *будемъ наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностію* (Прем. Сол. II, 6).

Не думаемъ, чтобы тяжелая и безотрадная мысль о полномъ уничтоженіи нашемъ по смерти была тверда и рѣшительна у самыхъ тѣхъ людей, которые ее высказываютъ. Въ душѣ нашей слышится голосъ, требующій жизни, не ограничивающейся узкими предѣлами даннаго намъ временн, и голоса этого не могутъ совершенно заглушить легкомысленно обрекающіе на полное уничтоженіе. И на нихъ могутъ находить, и нерѣдко,—минуты раздумья, и тогда сомнѣніе западаетъ въ ихъ душу, колеблетъ и подрываетъ тѣ помыслы, какими они хотятъ успокоить и оправдать себя въ своей преступной преданности страстямъ своимъ.

Противъ мысли о полномъ исчезновеніи нашемъ по смерти неумолкаемо говоритъ сознаніе живущаго въ насъ нравственнаго закона, основывающагося на неискоренимой въ насъ идеѣ правды. Какъ въ мірѣ физическомъ все живущее приноситъ плодъ по роду своему, который является непремѣннымъ слѣдствіемъ процесса, переживаемаго тѣмъ или другимъ живымъ существомъ, такъ точно должно быть и въ мірѣ нравственномъ. Наше нравственное самосознаніе требуетъ, чтобы каждое наше нравственное дѣйствіе сопровождалось соотвѣтствующимъ нравственнымъ слѣдствіемъ, чтобы плодомъ добродѣтели было доброе ощущеніе въ душѣ,—счастіе или блаженство, а слѣдствіемъ порока—несчастіе или страданіе. Но въ настоящей жизни мы не видимъ соотвѣтствія между нравственными дѣйствіями и тѣми слѣдствіями, какими они сопровождаются. Порокъ часто торжествуетъ, а добродѣтель страждетъ: люди нечестивые нерѣдко живутъ въ нѣгѣ и роскоши и пользуются всѣми благами міра, а люди, старающіеся о благоугожденіи Богу,—люди, которыхъ, по слову Писанія, *не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. XI, 38), часто влачили и влачатъ на землѣ самую горькую жизнь, подвергаются крайнимъ лишеніямъ и испытываютъ тяжкія мученія, кончающіяся смертію. Гдѣ же правда (говоритъ наше внутреннее чувство)? Почему здѣсь такое нарушеніе закона міровой гармоніи, по которому вездѣ мы видимъ полное соотвѣтствіе между сѣменемъ и плодомъ, между дѣйствіемъ и его слѣдствіемъ? „Ужели одна добродѣтель (говоритъ блаж. Ѳеодоритъ), [1]) стоящая такъ много напряженія и борьбы, не приноситъ никакого плода?“ Нѣтъ, непремѣнно долженъ быть такой плодъ; непремѣнно она должна получить свою награду, а порокъ—соотвѣтствующее наказаніе. И если мы этого не видимъ въ настоящей жизни, то непремѣнно должна быть

---

[1]) Блаж. Ѳеодорита слово о Провидѣніи 9-е.

другая жизнь, въ которой возстановится нарушаемая здѣсь гармонія, и мы получимъ добрый или худой плодъ,—награду или наказаніе,—по роду тѣхъ дѣйствій, какія совершала душа наша въ періодъ земного бытія: „Если бы не было никакого другого доказательства въ пользу продолженія бытія души за гробомъ“, говоритъ Ж. Ж. Руссо, [1]) „то одного факта торжества зла на землѣ и угнетенія добродѣтели было-бы достаточно, чтобы удержать меня отъ сомнѣнія въ той истинѣ. Столь возмутительный диссонансъ въ общей гармоніи міра необходимо заставляетъ меня искать его разрѣшенія. Я необходимо долженъ сказать себѣ: нѣтъ, не все кончается для насъ съ этою жизнію; все должно по смерти придти снова въ надлежащій порядокъ“.

Премудрый наставляетъ насъ, что такъ и будетъ, что въ будущей жизни послѣдуетъ воздаяніе за дѣла наши, нынѣшнее время—время сѣянія, а жатва будетъ, когда мы, вышедъ изъ тѣла, перейдемъ въ иной міръ. *Праведныхъ души* (говоритъ онъ) *въ рукѣ Божіей... Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался погибелію, и отшествіе отъ насъ уничтоженіемъ: но они пребываютъ въ мирѣ. Ибо хотя они въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія. Во время воздаянія имъ они возсіяютъ, какъ искры, бѣгущія по стеблю* (Прем. Сол. Ш, 1—4. 7). Другой Премудрый—сынъ Сираховъ,—согласно съ этимъ, говоритъ: *боящемуся Господа благо будетъ напослѣдокъ, и въ день скончанія своего обрящетъ благодать* (Сир. 1, 13).

(*Продолженіе будетъ*).

---

[1]) Emile. IV, Безсмертіе души. В. Кудрявцева, стр. 98.

Забытый вопросъ.

Какъ помнится намъ, лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, горячо былъ возбужденъ вопросъ о переносѣ базарныхъ дней съ большихъ праздниковъ на будни; но и до сихъпоръ въ нашихъ мѣстечкахъ во всѣ почти двунадесятые праздники непремѣнно бываетъ базаръ. Святые храмы въ такіе, напримѣръ, великіе праздники, какъ Успеніе Пресвятой Богородицы и Рождество Божіей Матери, пустуютъ: всѣ—старъ и младъ на базарѣ. Вслѣдствіе этого нашъ народъ привыкаетъ неуважительно относиться къ святости праздниковъ. Вставши утромъ въ такой праздникъ, нашъ крестьянинъ собирается на базаръ, складываетъ все назначенное для продажи, въ это-же время что нибудь сломается или сломано было, и онъ, ничтоже сумняся, начинаетъ рубить, рѣзать, исправлять, чего, конечно, не сдѣлаетъ въ день воскресный. Необходимость ѣхать на базаръ заставляетъ его нарушать святость праздника. А какъ онъ проводитъ этотъ день? Въ церкви приносится безкровная жертва, а на торжищѣ въ это время ругаются, божатся, клянутся. Терминъ „не обманешь, не продашь", къ великому сожалѣнію, принесли уже и въ нашу деревню, и здѣсь все зиждется на обманѣ; продаетъ, положимъ, крестьянинъ лошадь съ порокомъ,—сколько божбы онъ употребитъ при этомъ, сколько хитрости, обмана и во все это ставитъ свидѣтелемъ Бога. Конечно, и въ будніе дни ложь и обманъ скверны сами по себѣ, но въ большой праздникъ они просто омерзительны, когда вдумаешься, какія великія событія въ такой день воспоминаются. Въ молитвѣ Господней мы христіане ежедневно произносимъ слова „да святится Имя Твое", а въ дѣйствительности такъ ли оно бываетъ? Не хулится ли имя Божіе и наша православная вѣра въ глазахъ иновѣрцевъ—евреевъ такимъ недостойнымъ препровожденіемъ праздниковъ? Вѣдь сіи послѣдніе свои праздники особенно строго почитаютъ, въ ихъ мѣстечкахъ

въ такіе дни совершенно прекращается всякая торговля, всякая жизнь въ смыслѣ купли, пріобрѣтенія.

Нашъ крестьянинъ, нужно сознаться, живетъ болѣе обрядностью, нежели глубокимъ пониманіемъ сущности религіи. Слѣдовательно, объясняя ему истины христіанства, нужно стремиться къ поддержанію такъ дорогой ему обрядности: на ней нашъ крестьянинъ выросъ, на ней воспитался. Такое ненормальное явленіе, какъ торгъ въ праздничные дни, возникло во время крѣпостное и вызвано было необходимостью: въ праздникъ только помѣщикъ разрѣшалъ своимъ подданнымъ совершать необходимыя закупки и вообще устраивать свои личныя дѣла. Теперь-же народъ нашъ свободный,—располагаетъ своимъ временемъ какъ хочетъ, и теперь-же было-бы благовременнымъ измѣнить и перенести базарные дни съ дней праздничныхъ на будни. Матеріальнаго ущерба отъ этого произойти не можетъ, а напротивъ, даже будетъ сбереженіе времени и денегъ. На базаръ въ будній день поѣдетъ только тотъ, кто имѣетъ крайнюю необходимость, и продавши, купивши, будетъ спѣшить во свояси; между тѣмъ въ праздникъ ѣдетъ на базаръ всякій, хотя-бы только для того, что-бы людей посмотрѣть, себя показать. Не имѣя опредѣленнаго дѣла на базарѣ, все осмотрѣвши, вдосталь наговорившись... а теперь куда? задаетъ себѣ вопросъ подобный зѣвака. Отвѣтъ ясенъ: въ монополію, и здѣсь то пропиваются деньги, можетъ быть, заработокъ чуть ли не цѣлаго лѣта, слѣдующій рабочій день потерянъ, нужно опохмѣлиться. Вотъ посильное изображеніе вреда базара въ празничные дни. Въ наше тревожное время, въ виду проявляющагося то тамъ, то здѣсь антагонизма между крестьянами и евреями, со стороны даже полицейско-гражданской было-бы лучше, если-бы на базарахъ было поменѣе болтающихся безъ цѣли людей. Повторяемъ, въ будній день только тотъ бы поѣхалъ или пошелъ на базаръ, кто имѣетъ существенную нужду продать что-либо

или купить. Да и сами крестьяне не всѣ сочувственно относятся къ такимъ базарамъ. Нерѣдко приходилось слыхать сѣтованіе: „О це такый великій праздникъ, а треба ихаты на базаръ; а не грихъ це буде?“ задаетъ вопросъ другой. Что можетъ отвѣтить на подобный вопросъ пастырь, который и самъ хозяинъ и имѣетъ тоже нужду въ базарѣ. Что это ненормальное явленіе—это очевидно, и въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ нашей Кіевской губерніи, напримѣръ, въ м. Фастовѣ, Васильковскаго уѣзда, базарные дни въ большіе праздники воспрещены, въ мѣстечкахъ-же Брусиловѣ, Радомысльскаго уѣзда, и Макаровѣ, Кіевскаго уѣзда,—базары и собираются только въ двунадесятые праздники. Вредъ ихъ въ религіозно-нравственномъ, экономическомъ и даже съ чисто-гражданской стороны несомнѣненъ, и только правительство своимъ могучимъ запрещеніемъ можетъ навсегда положить этому конецъ. Пора и давно пора; даже наши штундисты, въ этомъ случаѣ, зазираютъ православныхъ, такъ какъ они стараются проводить день воскресный въ покоѣ.

Священникъ *Маркъ Дмитріевъ*

Епархіальная хроника.

Отъѣздъ Архипастыря изъ Кіева.—26 октября Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, по желѣзной дорогѣ отбылъ для обозрѣнія церквей и школъ въ г. Бердичевъ, а оттуда въ г. Житоміръ.

Освященіе дѣтскаго пріюта при приходской школѣ Кіево-Подольской Рождество-Предтеченской церкви.—12 октября, въ воскресенье, въ часъ дня, происходило торжественное освященіе новоустроеннаго зданія—пріюта для дѣтей при приходской школѣ Кіево-Подольской Рождество-Предтеченской (Борисо-Глѣбской) церкви. Чинъ освященія пріюта совершалъ Высокопреосвя-

щенный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ присутствіи преосвященныхъ викаріевъ—епископа Платона и епископа Агапита. Въ богослуженіи участвовали: ректоръ Кіевской духовной семинаріи архимандритъ Өеодосій, каѳедральный протоіерей П. Преображенскій, ключарь Софійскаго собора протоіерей І. Орловскій, благочинный Кіево-Подольскихъ церквей протоіерей К. Өоменко, настоятель Рождество-Предтеченской церкви священникъ М. Едлинскій и нѣкоторые изъ членовъ Кіевскаго епархіальнаго Училищнаго Совѣта, имѣющіе духовный санъ.

Предъ началомъ водоосвященія иниціаторомъ устроенія дѣтскаго пріюта при Борисо-Глѣбской церковно-приходской школѣ священникомъ М. Едлинскимъ произнесена была рѣчь, въ которой изложены были причины, вызвавшія необходимость названнаго учрежденія (безпризорность дѣтей и нужда въ религіозно-нравственномъ воспитаніи ихъ).

Средства на устройство этого дѣтскаго пріюта частію отпущены Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ и мѣстнымъ епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, частію же пожертвованы кіевскими благотворителями. Въ настоящее время услугами пріюта пользуются свыше 50 дѣтей обоего пола. Снабженіемъ дѣтей одеждой и вообще лучшей постановкой физической стороны воспитательнаго дѣла въ пріютѣ вѣдаетъ дамскій комитетъ, существующій при недавно учрежденномъ Борисо-Глѣбскомъ братствѣ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, Мошногорскаго монастыря и м. Мошенъ.

По дорогѣ изъ Черкассъ въ г. Кіевъ Высокопреосвященнѣйшему Флавіану, Митрополиту Кіевскому и Галицкому, предстояло 12-го сентября посѣтить Мошногорскій мужской монастырь и церкви въ м. Мошнахъ. Ночь съ 11-го на 12 ое Владыка провелъ на пароходѣ среди Днѣпра. Ровно въ 7 часовъ утра 12-го сентября пароходъ „Императоръ", на ко-

торомъ совершалъ свое путешествіе Владыка, остановился у пристани „Сѣкирна“. Жители маленькой деревушки, носящей тоже названіе и состоящей изъ нѣсколькихъ хижинъ, кучками стояли на берегу. Въ моментъ остановки парохода, съ пристани понеслось стройное церковное пѣніе смѣшаннаго дѣтскаго хора,—то были ученики и ученицы церковно-приходской школы с. Свидовокъ, находящагося въ 6 верстахъ отъ пристани, прибывшіе вмѣстѣ съ своимъ законоучителемъ—священникомъ о. Іоной Бытачевскимъ и учителемъ привѣтствовать Владыку. Владыка сошелъ на пристань. Здѣсь ему представились: благочинный 4 округа, Черкасскаго уѣзда, священникъ Ѳеофилъ Крамаренко, мировой посредникъ 2 участка В. Троцкій, главный лѣсничій имѣній г. Балашова—Брансдорферъ, явившійся привѣтствовать Владыку отъ лица своихъ довѣрителей, и волостной старшина Мошенской волости. Владыка благословилъ всѣхъ, собравшихся на пристань для его встрѣчи, и затѣмъ, при пѣніи „многая лѣта“, отбылъ въ Мошногорскій монастырь. Дорога въ монастырь все время идетъ лѣсомъ. Мошногорскій монастырь находится въ 10 верстахъ отъ пристани „Сѣкирна“ и со всѣхъ сторонъ окруженъ громадными лѣсами, принадлежащими казнѣ и владѣльцамъ Балашовымъ. Въ 8 час. утра Влыдыка прибылъ въ монастырь и былъ встрѣченъ у входа въ церковь настоятелемъ его—престарѣлымъ архимандритомъ Каллистомъ. Высокопреосвященнѣйшій Владыка прошелъ прямо въ алтарь, и тотчасъ началась божественная литургія, которую совершалъ очередной іеромонахъ съ діакономъ. Богомольцевъ въ церкви было мало, да и монашествующей братіи было немного, такъ какъ все населеніе монастыря состоитъ изъ 60 человѣкъ, считая и послушниковъ. По окончаніи литургіи, Владыка вышелъ на средину храма, и о. архимандритъ представилъ ему свою монашествующую братію. Владыка преподалъ всѣмъ благословеніе, посѣтилъ обѣ монастырскія церкви—теплую и холод-

ную, а затѣмъ приступилъ къ подробному осмотру всего монастыря. Архимандритъ Каллистъ всюду сопровождалъ Владыку и давалъ необходимыя объясненія. Всѣ монашескія келліи по одиночкѣ были осмотрѣны Владыкой; не остались непосѣщенными даже кухни, пекарни, хлѣбные магазины и др. хозяйственныя службы, а также монастырскій садъ, дающій иногда прекрасные доходы монастырю. Безукоризненная всюду чистота и образцовый во всемъ порядокъ ясно говорили въ пользу рѣдкихъ хозяйственныхъ способностей о. настоятеля, который, несмотря на свои 80 лѣтъ, продолжаетъ энергично трудиться для благоустройства ввѣреннаго ему монастыря. Закончивъ осмотръ, Владыка направился въ покои о. настоятеля и здѣсь долго бесѣдовалъ съ нимъ о монастырскихъ дѣлахъ. Въ 11 часовъ Владыка отбылъ изъ монастыря въ м. Мошны, находящееся отъ послѣдняго въ 5 верстахъ. На площади у Преображенской церкви пріѣзда Владыки ожидала масса народа. Волостной старшина, по выходѣ Владыки изъ кареты, поднесъ отъ лица всего населенія хлѣбъ-соль. На погостѣ Владыку встрѣтилъ мѣстный землевладѣлецъ—егермейстеръ Двора Его Величества Н. П. Балашовъ съ двумя своими сыновьями и невѣсткой, урожденной княгиней Кантакузенъ. Любезно поздоровавшись съ ними и благословивъ ихъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка направился въ храмъ, гдѣ былъ встрѣченъ цѣлымъ сонмомъ священнослужителей 4-го благочинническаго округа, во главѣ съ о. настоятелемъ церкви и благочиннымъ священникомъ Ѳеофиломъ Крамаренкомъ, который привѣтствовалъ Архипастыря рѣчью. Послѣ литіи, Владыка осмотрѣлъ благолѣпный храмъ, устроенный еще помѣщиками Воронцовыми, прежними владѣльцами м. Мошенъ. Храмъ этотъ поражаетъ зрителя оригинальностію своей архитектуры: высокая, почти квадратная, оканчивающаяся красивой площадкой со шпицемъ, колокольня, на подобіе очень высокой каланчи, громадный бочкообразный глав-

ный куполъ, рѣзко сжатый въ оконечности, такой же формы нѣсколько меньшихъ куполовъ, полукупола вокругъ всего храма, приставленные къ наружнымъ стѣнамъ и краямъ крыши, а между ними тонкія, высокія колонки, заканчивающіяся шпицами съ крестами,—все это говоритъ о томъ, что здѣсь не выдержанъ строго ни одинъ стиль,—тѣмъ не менѣе наружный видъ храма довольно величественъ. Благословивъ массу народа, а также учениковъ и ученицъ мѣстныхъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, Владыка отбылъ въ зданіе двухклассной женской церковно-приходской школы, носящей наименованіе „Эллинской". Школа эта открыта только съ 1 октября прошлаго года. Устроена она всецѣло на средства извѣстныхъ своими симпатіями къ церковной школѣ супруговъ Балашовыхъ въ память умершей ихъ дочери—фрейлины Двора Александры Николаевны Балашовой, и въ честь ея, съ разрѣшенія Св. Синода, названа „Эллинской" (домашнее имя А. Н. Элля). Величественное каменное зданіе школы, мѣстами двухэтажное, съ балконами и стеклянной галлереей, съ разбитымъ только что паркомъ, цвѣтниками и огородами, обставленное внутри самымъ наилучшимъ образомъ, обошлось болѣе 35 тысячъ рублей. Въ настоящее время въ школѣ двѣ учительницы, пользующіяся прекраснымъ содержаніемъ отъ учредителей ея; но предполагается еще имѣть старшую учительницу, которая-бы могла учить дѣвочекъ разнымъ прикладнымъ знаніямъ, и одного учителя для преподаванія огородничества и садоводства. Вообще супруги Балашовы не жалѣютъ средствъ, чтобы сдѣлать школу памятникомъ, вполнѣ достойнымъ имени ихъ дочери. При входѣ въ школу, на площадкѣ Владыку встрѣтило семейство Балашовыхъ. Въ первой же комнатѣ противъ входныхъ дверей стоитъ массивный дубовый кіотъ и въ немъ художественной работы икона Богоматери, съ неугасающей предъ ней лампадой и съ надписью внизу на металлической вызолоченой доскѣ: „сія

икона сооружена въ память умершей дочери и проч.“, а вверху—изображеніе воскрешенія Іисусомъ Христомъ дочери Іаира. Высокопреосвященнѣйшій Владыка, при видѣ иконы, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, подойдя ближе, прочелъ на ней скорбную надпись. Въ большой комнатѣ приготовительнаго класса собраны были ученицы этой школы числомъ до 80. Владыка, выслушавъ пѣніе молитвы „Достойно есть“, благословилъ учительницъ и ученицъ, а затѣмъ осмотрѣлъ все школьное зданіе съ его прекрасной обстановкой, обошелъ всѣ классныя комнаты, рукодѣльную, учительскую сборную, и затѣмъ выразилъ г. Балашову благодарность за устройство столь прекрасной церковно-приходской школы. Принявъ послѣ этого любезное приглашеніе г. Балашова пожаловать на обѣдъ, Владыка отбылъ въ двухклассную церковно-приходскую школу для мальчиковъ, которая также устроена на средства г.г. Балашовыхъ и ежегодно пользуется субсидіей отъ нихъ въ размѣрѣ 500 рублей. Осмотрѣвъ эту многолюдную школу, вмѣщающую до 250 учащихся, и посѣтивъ на нѣсколько минутъ о. настоятеля церкви, Владыка направился въ Успенскій приходъ, гдѣ также произвелъ осмотръ церкви и одноклассной церковно-приходской школы и, побесѣдовавъ въ квартирѣ священника съ собравшимся духовенствомъ около получаса, отбылъ съ сопутствующими ему лицами и мѣстнымъ духовенствомъ къ г. Балашову въ домъ, расположенный на высокой горѣ, въ лѣсу, въ 3 верстахъ отъ м. Мошенъ. Гостепріимный хозяинъ предложилъ радушный обѣдъ, послѣ котораго Владыка, погостивъ еще около часу, простился съ любезнымъ хозяиномъ и отъѣхалъ на пристань „Сѣкирну“. Здѣсь Владыку поджидали крестьяне с. Свидовокъ, прибывшіе на подводахъ съ своими семействами, желая получить святительское благословеніе, а также священникъ Іона Бытачевскій, съ пѣвчими школьниками. Владыка благословилъ всѣхъ, собравшихся у пристани, и, при пѣніи тропаря празд-

нику „Покрова Пр. Богородицы“ и многолѣтія, взошелъ на пароходъ и ровно въ 5 часовъ вечера отбылъ въ г. Кіевъ.

Священникъ *Владимиръ Архангельскій.*

Памяти о. Іоанна Михайловича Вышинскаго [1])

Первымъ началамъ грамоты обучили Іоанна Вышинскаго въ домѣ отца. Потомъ направили его въ Кіево-Софійское духовное училище, гдѣ онъ получилъ низшее духовное образованіе. Много тяжелыхъ минутъ пришлось пережить ему въ пору отрочества. Принципъ ученія изъ-подъ палки тогда еще имѣлъ свою силу, учиться заставляли пинками, щелчками и другими болѣе крутыми мѣрами. Будущихъ пастырей какъ бы заранѣе пріучали къ терпѣнію. Какъ-то странно было видѣть и сознавать, что грубость и право сильнаго свили себѣ прочное гнѣздо именно въ той средѣ, которая должна являть землѣ дѣла любви, смиренія и братства. И теперь можно поставить въ заслугу о. Іоанну, что онъ, не смотря на всю жестокость нравовъ первоначальной школы его времени, остался такимъ-же добрымъ и незлобивымъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ и какимъ знали его всѣ. Природа снабдила его крѣпкимъ организмомъ, и онъ сравнительно легко перенесъ всѣ тяжести и невзгоды училищной жизни. Но, вотъ, пройденъ курсъ училища, и семинарія, какъ обѣтованная земля, уже достигнута.

Время семинарскаго ученія оказало громадное вліяніе на всю послѣдующую жизнь о. Іоанна. Съ пыломъ молодости принялся онъ за изученіе наукъ, необходимыхъ для будущей его дѣятельности. Тутъ уже не было стѣсненія свободы—и физической и научной—и, конечно, первое время ходъ науч-

[1]) (Продолженіе). См. Кіев. Епарх. Вѣд. № 32 за 1903 г.

ныхъ занятій могъ тормозиться неумѣлымъ пользованіемъ свободой. Но хорошій подборъ преподавателей, честно относившихся къ своему дѣлу, заставилъ о. Іоанна старательно относиться къ своимъ ученическимъ обязанностямъ.

Природными способностями онъ былъ надѣленъ очень щедро, такъ что выдвинуться ему было легко. И, дѣйствительно, его замѣтили, поощрили, такъ что въ концѣ семинарскаго курса на него смотрѣли, какъ на человѣка, подающаго большія надежды. Такимъ образомъ, семинарскій курсъ онъ прошелъ блестяще. Въ данномъ случаѣ ему помогло то обстоятельство, что онъ отличался извѣстной гордостью, но это была гордость благородная, никого не задѣвающая. Онъ гордился своими дарованіями и всячески старался пользоваться ими. Что онъ не былъ нетерпимъ, за это говорятъ отзывы его товарищей. По ихъ словамъ, о. Іоаннъ отличался извѣстной услужливостью, былъ милымъ, хорошимъ товарищемъ, остроумнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ. Всѣ товарищи его единогласно говорили и говорятъ, что отъ о. Іоанна они ожидали многаго и сулили ему широкую дорогу въ будущемъ. А время все идетъ, да идетъ, пройденъ и семинарскій курсъ. Широкій путь открывается впереди. Но куда идти? Учиться-ли еще, или же сразу выйти на жизненную дорогу, сразу сдѣлаться дѣятельнымъ членомъ общества, несущимъ и исполняющимъ извѣстныя обязанности? Вопросъ трудный, но долго колебаться нельзя было. Жизнь такъ манила къ себѣ, такъ улыбалась, а человѣкъ вѣрилъ въ нее, въ свои силы, въ людей. Выборъ сдѣланъ, но какой путь избрать, по которому можно было бы идти съ гордо поднятой головой?

То образованіе, какое получилъ онъ, подсказало ему, куда направляться. Семинарія съ ея кругомъ наукъ имѣетъ своей задачей подготовлять пастырей-дѣятелей на нивѣ Христовой. Пастырю церкви, прежде всего необходимо быть

учителемъ, и съ этою цѣлью при семинаріи заведена, такъ называемая, „образцовая школа“, гдѣ практически примѣняются правила и теоретическіе пріемы педагогики. Очевидно, это дѣло, какъ живое и благородное, было по душѣ о. Іоанну. Онъ для него пренебрегъ благами высшаго образованія, и, послѣ блестящаго окончанія средней школы, занялъ скромное мѣсто учителя въ церковно-приходской школѣ с. Храпачей, Васильковскаго уѣзда, а черезъ годъ перешелъ на ту же должность въ с. Деремезну того же уѣзда.

Предъ нимъ открылась широкая возможность развернуться, показать и примѣнить къ дѣлу свои силы и знанія. Дѣло въ его рукахъ закипѣло. Воспитанный въ семьѣ глубоко религіозной, получившій образованіе въ духѣ церкви, онъ внесъ въ школу живой духъ любви къ дѣтямъ и не щадилъ своихъ силъ для того, чтобы передать имъ необходимыя начала вѣры и знанія. Какъ человѣкъ, обладавшій громаднымъ педагогическимъ тактомъ, онъ сразу сталъ въ правильныя отношенія къ дѣтямъ.

Свои занятія съ ними онъ чередовалъ съ подходящими играми, устраивалъ чтенія, а на урокахъ старался заинтересовать дѣтей, и такимъ образомъ пріохочивалъ ихъ къ занятіямъ. Нужно сказать, что усилія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Пріятно было зайти къ нему въ школу во время уроковъ. Живо рисуется такая картина. Стройная фигура его дышетъ какимъ-то оживленіемъ, рѣчь плавно льется, а дѣти,—они не спускаютъ глазъ съ „своего“ учителя,—стараются не проронить ни одного его слова, а глаза ихъ горятъ огнемъ восхищенія. Къ концу года у него почти не было отставшихъ и неуспѣвавшихъ. Конечно, не нужно и говорить о томъ, что дѣти любили его. Любили же они его за то, что онъ поставилъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ на первомъ планѣ справедливость и къ наказаніямъ прибѣгалъ въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ.

Временами онъ былъ строгъ, но и строгость не отталкивала отъ него дѣтей по той причинѣ, что они справедливую строгость какъ-то инстинктивно чувствуютъ, пугаетъ же ихъ скорѣе несправедливость, а ее-то по отношенію къ себѣ со стороны его они никогда не видѣли. Неудивительно, что они смѣло шли къ нему и просили его разсказать имъ что нибудь, на что онъ всегда охотно отзывался. Если вспомнить, что его учениками были простыя крестьянскія дѣти, видѣвшія въ каждомъ интеллигентномъ человѣкѣ барина, однимъ своимъ видомъ пугающаго крестьянскихъ дѣтишекъ, то еще болѣе удивительна та довѣрчивость, съ какой они обращались къ нему. Можетъ быть, одной изъ притягательныхъ причинъ была его мягкость обращенія съ ними, за которую они платили ему своей чистой дѣтской любовью.

Хорошо понималъ о. Іоаннъ, что ничто недорого такъ нашему мужичку, какъ та деревенская простая церковь, въ которой онъ молится и въ морозную рождественскую ночь, и въ темную, но свѣтлую, по своимъ чувствамъ, пасхальную ночь, та церковь, въ которой молились его дѣды, прадѣды и будутъ молиться его дѣти. Понималъ также о. Іоаннъ, что дорого и симпатично мужику и благолѣпное отправленіе службы Божіей. Какъ извѣстно, ничто такъ не усиливаетъ торжественности и умилительности службы, какъ стройное пѣніе. Для этой именно цѣли о. Іоаннъ организуетъ хоръ изъ школьниковъ, вводитъ отдѣльные часы, въ теченіе которыхъ обучаетъ дѣтей нотной системѣ, выбираетъ голоса, устраиваетъ спѣвки, цѣлыми вечерами пишетъ и переписываетъ ноты для хора, словомъ отдается всецѣло этому дѣлу. Къ слову сказать, о. Іоаннъ обладалъ большими музыкальными способностями и одно время считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ Императорскаго Кіевскаго музыкальнаго училища. Въ результатѣ получился чудно спѣвшійся хоръ. Когда стройные звуки чистыхъ, звонкихъ, милыхъ, свѣжихъ дѣт-

скихъ голосковъ впервые огласили своды деревенской церкви, она не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ послушать: „якъ спиваютъ наши диты“. Еще и теперь автору приходится иногда слышать о томъ впечатлѣніи, какое производило на слушателей пѣніе этого хора. А это было не много и не мало, а 16 лѣтъ тому назадъ. *Благодарный воспитанникъ А. М.*

(*Окончаніе въ слѣд. №*)

Библіографическая замѣтка.

Постановленія по дѣламъ православной церкви и духовенства въ царствованіе императрицы Екатерины II. Священника Н. Климова. Спб. 1902 г. стр. 140. Ц. 2 руб.

Хотя „въ системѣ отношеній императрицы Екатерины II къ церкви и духовенству“, какъ выражается авторъ разсматриваемой литературной работы, „и не было основного нерва, связующаго общей нитью всѣ церковно-законодательныя работы ея царствованія“, но тѣмъ не менѣе само это царствованіе представляетъ глубокій интересъ съ точки зрѣнія того вліянія, какое оно оказало на всю жизнь русской православной церкви и на положеніе духовенства. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые справедливо смотрятъ на царствованіе Екатерины II, какъ на продолженіе царствованія Петра I, хотя въ другихъ отношеніяхъ между этими двумя царствованіями есть большое различіе. Отношеніе между церковью и государствомъ рельефнѣе всего выражается въ законодательной дѣятельности правительства, ибо всякое законодательство, а слѣдовательно и церковно-гражданское, есть нормированіе жизни. Законодательство правительства Екатерины II по дѣламъ церкви и духовенства авторъ разсматриваетъ съ пяти сторонъ: 1) касательно центральныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства; 2) по учрежденію и перемѣщенію епархіальныхъ

каѳедръ, равно какъ и преобразованію епархіальныхъ присутственныхъ мѣстъ; 3) относительно брачнаго права и, въ частности, бракоразводнаго процесса; 4) по дѣламъ иновѣрцевъ и внѣшней миссіи и 5) по дѣламъ раскольниковъ; здѣсь же излагаются и церковно-правительственныя мѣры по возсоединенію съ православною церковію западно-русскихъ уніатовъ. Съ особеннымъ интересомъ могутъ быть прочитаны пастыремъ церкви 3, 4 и 5 главы монографіи. Съ своей стороны, не можемъ не выразить чувства неудовлотворенія, какое можетъ и должна произвесть книга на читателя—священника Кіевской епархіи. Въ исторіи Кіевской епархіи (равно какъ и всѣхъ вообще т. н. малороссійскихъ епархій) законодательная дѣятельность правительства императрицы Екатерины отозвалась весьма ощутительно. Не говоримъ уже о такихъ, сравнительно маловажныхъ (и то условно только, а не принципіально) законодательныхъ актахъ правительства императрицы Екатерины II въ отношеніи къ Кіевской епархіи, какъ, напр., перемѣна границъ епархіи, титула Кіевскаго митрополита (запрещеніе ему титуловаться: „и малыя Россіи“), попытка учрежденія викаріатства, перемѣна въ положеніи протопопій и протопопскихъ правленій и мн. мн. другія, времени царствованія Екатерины II принадлежитъ нѣсколько крупныхъ церковно-правительственныхъ законодательныхъ актовъ, относившихся прямо и непосредственно къ Кіевской и др. малороссійскимъ епархіямъ, въ родѣ, напр., введенія штатовъ и др. Не можемъ здѣсь не отмѣтить, крупнаго, по нашему мнѣнію, пробѣла въ монографіи, явившагося результатомъ того, что авторъ совершенно не воспользовался богатѣйшимъ матеріаломъ, содержащимся въ дѣлахъ коммиссіи по составленію новаго уложенія въ 60-хъ годахъ XVIII в. (См. Сборникъ Русскаго Историч. Общества т. 43 и др.). Нельзя не удивляться и тому, что авторъ монографіи совершенно произвольно, какъ намъ кажется, исключилъ изъ об-

ласти т. н. *внѣшняго* права церкви имущественное ея право, ограничившись изложеніемъ одного законодательства по дѣламъ миссіи. Прискорбно также и то, что книга имѣетъ слишкомъ сухой, схоластическій характеръ. Это произошло отъ того, что авторъ не потрудился оживить своихъ сухихъ, отвлеченныхъ *каноническихъ* нормъ и схемъ историческими фактами. При историческомъ освѣщеніи, предметъ монографіи получилъ бы въ сознаніи читателя гораздо большую ясность и опредѣленность, чѣмъ какую имѣетъ онъ теперь.

скромное изданіе, и постоянно увеличивающееся, по мѣрѣ ознакомленія съ нимъ, число читателей, даютъ намъ увѣренность, что труженики народныхъ школъ находятъ въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области педагогики, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ библіотеки церковныхъ школъ.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посѣвы и всходы: лѣтопись школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Приложеніе: „Зернышки Божіей Нивы. Троицкое чтеніе для дѣтей“. (12 №№ въ годъ).

Объемъ изданія—отъ 1 до 3-хъ печатныхъ листовъ. Сроки выхода—12 разъ въ годъ. Годовая подписка съ приложеніями одинъ рубль съ перес.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получатъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 13-го, за 1 р. Первый томъ БОЖІЕЙ НИВЫ (1—12 1902 года) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к., а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. ЗЕРНЫШКИ можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылается 20 книжекъ.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск губ. въ редакцію „*Божіей Нивы*“.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *I. Троицкій.*

Отъ Кіевск дух. цензурн. Комитета печат. дозвол. 30 октября, 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *I. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица